

Сочинения Ю.Ф. Самарина. Том 9. Окраины России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С69

С69   Сочинения Ю.Ф. Самарина. Том 9. Окраины России / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 520 с.

ISBN 978-5-4241-3610-8

Юрий Фёдорович Самарин — русский публицист и философ-славянофил. Философские взгляды Самарина находились сначала под сильным влиянием гегелевской философии.

ISBN 978-5-4241-3610-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ издателя.

Въ выпускаемомъ IX томѣ сочиненій Ю. Θ. Самарина помѣщены четвертый и пятый выпуски «Окраинъ Россіи» въ томъ точно видѣ, въ какомъ они были въ свое время напечатаны за границую. Имъ предпосланъ біографическій очеркъ Ю. Θ. Самарина, составленный для Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Вслѣдъ за «Окраинами Россіи», помѣщено пять передовыхъ статей, написанныхъ Ю. Θ-чемъ и напечатанныхъ въ мартѣ 1867 г. въ газетѣ «Москва», которую издавалъ И. С. Аксаковъ. Первыя двѣ статьи озаглавлены нами: «О православіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ», а послѣднія три: «О политическомъ идеалѣ газеты «Вѣсть». Статьи эти были направлены противъ той политической системы 60-хъ годовъ, представителями которой были П. А. Валуевъ, А. В. Головнинъ, А. Е. Тимашевъ, князь А. А. Суворовъ и другіе. За эти статьи было дано газетѣ «Москва» третье предостереженіе и изданіе ея было приостановлено на три мѣсяца. Это и побудило Ю. Θ—ча предпринять за границею изданіе «Окраинъ Россіи». Новое направленіе, данное нашей внутренней политикѣ покойнымъ Государемъ Александромъ III, дастъ возможность русскимъ читателямъ ознакомиться съ тою борьбою, которую тридцать лѣтъ тому назадъ велъ Ю. Θ. съ

бывшею въ то время въ силѣ политическою системою, въ основѣ которой лежало представленіе объ «идеальной Россіи какъ безнародномъ государствѣ».

Предположенное предисловіе къ «Окраинамъ Россіи» откладывается до слѣдующаго тома сочиненій Ю. О. Самарина.

Самаринъ, Юрій Ѳеодоровичъ, старшій сынъ Ѳеодора Васильевича и Софьи Юрьевны, рожденной Нелединской-Мелецкой, родился въ Петербургѣ 21 апрѣля 1819 г., умеръ въ Берлинѣ 19 марта 1876 г. Онъ былъ названъ Юріемъ въ честь своего дѣда по матери, Юрія Александровича, бывшаго статсъ-секретаремъ при Императорѣ Павлѣ, а въ царствованіе Александра I сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ. По послѣдней должности, Нелединскій почти неотлучно находился при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и пользовался ея особеннымъ, можно сказать, дружескимъ расположеніемъ. Императрица Марія Ѳеодоровна благоволила и къ младшей дочери его—матери Ю. Ѳ-ча: по желанію ея, Софья Юрьевна еще въ 1810 г. была пожалована во фрейлины. Отецъ Ю. Ѳ-ча, Ѳеодоръ Васильевичъ, боевой офицеръ, участвовавшій почти во всѣхъ войнахъ начала нынѣшняго столѣтія, былъ камергеромъ когда женился, а послѣ того былъ пожалованъ въ шталмейстеры и исправлялъ эту должность при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ почему, когда Нелединскій доложилъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о рожденіи своего внука, она прислала новорожденному пасхальное яичко и вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ была восприемницею его отъ купели.

Въ этой придворной средѣ протекло все дѣтство Ю. Ѳ-ча до 7 лѣтъ. А въ то время не только въ этой средѣ, но и вообще въ дворянскихъ семьяхъ вліяніе французской образованности было настолько сильно, что обыденнымъ языкомъ

служилъ не русскій, а французскій языкъ. Даже Ю. А. Нелединскій, хотя онъ и хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и былъ въ свое время довольно извѣстнымъ русскимъ писателемъ, однако французскими стихами привѣтствовалъ своего внука, когда ему минулъ годъ. Неудивительно поэтому, что Ю. Θ. съ ранняго дѣтства усвоилъ себѣ французскій языкъ и охотнѣе говорилъ на немъ, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Этому, конечно, содѣйствовало и то, что няня у него была не русская, что два съ половиною года въ дѣтскомъ возрастѣ онъ прожилъ за границею и, что, когда ему минуло 5 лѣтъ, воспитаніе его было поручено французу. Оедоръ Васильевичъ хотѣлъ дать основательное воспитаніе своимъ дѣтямъ и потому, будучи со всѣмъ своимъ семействомъ въ Парижѣ въ зиму съ 1823 на 1824 г., обратился съ просьбою рекомендовать воспитателя для своихъ дѣтей къ аббату Nicolle, извѣстному по своей педагогической дѣятельности въ Петербургѣ, Одессѣ и во Франціи. Онъ рекомендовалъ молодого Пако (Pascault), кончившаго курсъ въ лицей и преподававшаго потомъ французскій, латинскій и греческій языки въ разныхъ коллежахъ. Ему было тогда только 23 года; онъ былъ безъ мѣста и потому охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе. Въ началѣ 1824 года онъ поступилъ въ домъ Θ. В-ча, горячо и всецѣло предался дѣлу, за которое взялся, искренно полюбилъ своего воспитанника, довелъ его до университета и навсегда остался вѣрнымъ другомъ его и всеѣ семьи Θ. В-ча. Ю. Θ. многимъ ему обязанъ. Впослѣдствіи Пако, Степанъ Ивановичъ (такъ называли его въ Россіи, хотя настоящее имя его было Адольфъ) совершенно обрусѣлъ и пользовался вполне заслуженною извѣстностью въ Москвѣ какъ лекторъ французскаго языка въ московскомъ университетѣ, какъ преподаватель во многихъ женскихъ институтахъ и какъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ московскаго Общества Испытателей Природы. Планъ воспитанія Ю. Θ-ча былъ составленъ, вѣроятно, при содѣйствіи аббата Nicolle. Предположено было начать систематическое классическое ученіе, съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, когда Ю. Θ. достигнетъ 8-ми лѣтняго возраста, а 3 года посвятить на воспитаніе и подготовительное ученіе. Въ то время

классическое образованіе составляло рѣдкое исключеніе въ дворянской средѣ. Съ 1 марта 1824 г. до половины 1831 г. Пако велъ журналъ, въ которомъ ежедневно записывалъ все, что касалось физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія своего воспитанника. По этому журналу *Θ. В.* самъ тщательно слѣдилъ за воспитаніемъ своего сына и руководилъ всѣмъ дѣломъ: онъ пріискивалъ учителей, онъ приглашалъ профессоровъ на домашніе экзамены; конечно, благодаря его воздѣйствію укоренились въ *Ю. Θ-чѣ* и преданность православной церкви и тѣ нравственныя начала, въ особенности чувство долга, которыя онъ проявилъ въ своей жизни. Пако хорошо понималъ всю неправильность преобладанія французскаго языка въ воспитаніи русскаго мальчика и не разъ обращалъ на это вниманіе родителей. Когда *Θ. В.* со всею семьей вернулся въ Петербургъ, Пако отмѣтилъ въ журналѣ: *Quoiqu'en Russie, il append fort peu sa langue. Sans doute le premier motif est que je suis toujours avec lui. Mais si j'étais le seul, absolument le seul à lui parler français, peut-être remarquerait — on quelque progrès dans la langue russe.* Родители сознавали этотъ существенный недостатокъ въ воспитаніи дѣтей, но сложившійся образъ жизни, а главнымъ образомъ, среда, въ которой они жили, мѣшали имъ измѣнить свои привычки и все подчинить дѣлу воспитанія. Вотъ почему *Θ. В.* рѣшился въ 1826 г. выдти въ отставку и поселиться въ Москвѣ, гдѣ можно было устроить жизнь такъ, какъ того требовало воспитаніе дѣтей—дѣло, которому онъ рѣшился предаться вполнѣ; у него тогда было 3 сына и 2 дочери. Въ октябрѣ 1826 г. поступилъ въ домъ *Θ. В-ча* русскій наставникъ; то былъ Николай Ивановичъ Надеждинъ, магистръ московской духовной академіи, впоследствии профессоръ московскаго университета и издатель „Телескопа“. Въ 1826 г. ему было еще только 22 года; онъ перѣхалъ въ домъ *Θ. В-ча* изъ рязанской семинаріи, гдѣ былъ профессоромъ словесности и нѣмецкаго языка, и до половины 1831 года занимался воспитаніемъ двухъ старшихъ дѣтей *Θ. В-ча*. Чтобы заставить *Ю. Θ-ча* говорить по-русски, надзоръ за нимъ былъ раздѣленъ по днямъ между Пако и Надеждинымъ. Въ 1827 г. *Ю. Θ-чу* минуло 8 лѣтъ, и началось правиль-

ное ученіе по установленной программѣ. Надеждинъ преподавалъ Законъ Божій, русскій языкъ въ связи съ церковно-славянскимъ, греческій языкъ, исторію и нѣкоторое время нѣмецкій языкъ, для котораго былъ потомъ приглашенъ особый учитель. Пако преподавалъ французскій и латинскій языкъ, географію и ариметику. Всѣ эти предметы вводились, конечно, постепенно, но преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ было начато одновременно, по получасу въ день и при томъ поочередно: одинъ день латинскій языкъ, а на слѣдующій—греческій. Заслуживаетъ вниманія тотъ методъ, которому слѣдовалъ Пако въ преподаваніи латинскаго языка. Еще въ 1826 г. онъ сталъ понемногу обучать своего ученика латинскому языку практически; въ результатѣ получилось то, что, когда лѣтомъ 1827 г. начались правильные уроки древнихъ языковъ, въ журналѣ сдѣлана была слѣдующая отмѣтка: *Langue latine: il lit, écrit, traduit et apprend quelques mots et entend la lecture d'un ouvrage fait pour son âge et qui l'intéresse. Pendant la leçon ainsi que pendant la plupart de ses promenades avec moi, il parle latin.* Въ зиму съ 1827 на 1828 г. въ журналѣ отмѣчено: *je ne cesserai de lui parler latin.* Такія практическія занятія съ разговоромъ на латинскомъ языкѣ продолжались года два и только осенью 1828 г. было приступлено къ изученію грамматики. Однимъ словомъ, преподаваніе латинскаго языка ведено было по тому же методу, по которому преподаются живые языки. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Ю. Θ. и усвоилъ себѣ прочно латинскій языкъ: онъ свободно читалъ на немъ классиковъ и средневѣковыхъ писателей. Нельзя того же сказать про греческій языкъ, не смотря на то, что на изученіе его удѣлялось не менѣе времени, чѣмъ на латинскій языкъ. Въ продолженіе всего домашняго воспитанія Ю. Θ. не отличался ни прилежаніемъ, ни благонравіемъ; воспитаніе его было дѣло трудное. Тѣмъ не менѣе, на ежегодныхъ домашнихъ экзаменахъ успѣхи его оказывались вполне удовлетворительными за исключеніемъ, кажется, математики, на преподаваніе которой не было обращено надлежащаго вниманія. Очевидно, что природныя способности Ю. Θ.-ча восполняли недостатокъ прилежанія, вниманія и настойчивости въ ученіи.

Весною 1834 г. Ю. Ө-чу минуло 15 лѣтъ и онъ вступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ университетѣ Ю. Ө. писалъ въ 1855 г.: „Чтобы дать понятіе о томъ, до какой степени всѣ мы были худо приготовлены, достаточно рассказать одно. На первой лекціи Шевыревъ заставилъ насъ написать подъ диктовку нѣсколько страницъ, потомъ далъ намъ полчаса на внимательное прочтеніе написаннаго и у всѣхъ, за весьма немногими исключеніями, къ числу которыхъ я не принадлежалъ, на каждой страницѣ оказалось у кого 10, у кого 20 грубѣйшихъ ошибокъ противъ правописанія. Это насъ ужасно пристыдило и не я одинъ, многіе изъ моихъ товарищей, благодаря этому уроку, серьезно принялись за грамоту“. Впослѣдствіи Ю. Ө. всегда съ благодарностью вспоминалъ о С. П. Шевыревѣ за ту пользу, которую ему принесли практическія занятія его со студентами по русскому языку. „Изъ профессоровъ того времени сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ Погодинъ. Онъ не заискивалъ популярности, какъ И. И. Давыдовъ; лекціи его не отличались художественною оконченностью и совершенною новизною лекцій Печорина; въ дарѣ изустнаго изложенія онъ далеко уступалъ Крюкову; но онъ отличался тѣмъ, чего не имѣлъ никто изъ нихъ—мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни. Чему насъ выучилъ Погодинъ я не могу сказать, передать содержаніе его лекцій я былъ бы не въ состояніи; но мы были имъ наведены на совершенно новое воззрѣніе на русскую исторію и русскую жизнь вообще... Все это высказывалъ Погодинъ довольно нескладно, безъ доказательствъ, но высказывалъ такъ, что его убѣжденія переливались въ насъ“. Ученіе Ю. Ө-ча въ университетѣ совпало со введеніемъ новаго устава, по которому, между прочимъ, къ трехгодичному курсу ученія былъ прибавленъ одинъ годъ, и съ оживленіемъ университета вслѣдствіе назначенія на должность попечителя графа Строганова и прибытія изъ-за границы молодыхъ профессоровъ. Ю. Ө. окончилъ курсъ въ университетѣ 19-ти лѣтъ первымъ кандидатомъ и получилъ вслѣдствіе этого право поступить на

службу прямо въ министерство. Товарищами его по первому отдѣленію философскаго факультета, окончившими курсъ вмѣстѣ съ нимъ, были Ѳ. И. Буслаевъ и М. Н. Катковъ.

По выходѣ изъ университета, Ю. Ѳ. началъ готовиться къ магистерскому экзамену. Въ это время онъ сошелся съ К. С. Аксаковымъ, который былъ двумя годами старше его, кончилъ курсъ въ 1835 г. и тоже готовился къ магистерскому экзамену. Это знакомство скоро перешло въ искреннюю дружбу. „Въ то время, писалъ Самаринъ Аксакову въ 1846 г., я находился подъ сильнымъ твоимъ вліяніемъ. Ты первый высказалъ всѣ неясныя для меня ощущенія души моей, неопредѣленныя сочувствія, требованія пробудившейся мысли. Подъ твоимъ вліяніемъ опредѣлился мой образъ мыслей“. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ Аксакова Ю. Ѳ. окончательно отрѣшился отъ французскаго направленія, начало чему было положено въ университетѣ лекціями Погодина и отчасти Шевырева. Аксаковъ увлекъ Самарина своею горячею проповѣдью о народныхъ русскихъ началахъ. Осенью 1840 г. они вдвоемъ взялись истолковать эти начала пріѣхавшему въ Москву члену палаты депутатовъ Могену. Въ письмѣ, написанномъ по-французски, Ю. Ѳ. изложилъ ему „свое мнѣніе о трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности— православіи и самодержавіи“. Въ февралѣ 1840 г. Самаринъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и принялся писать диссертацию о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Безъ малаго четыре года онъ посвятилъ этому труду. Въ это время онъ вошелъ въ близкія сношенія съ тѣмъ кругомъ людей, которые извѣстны подъ именемъ славянофиловъ и во главѣ которыхъ стояли А. С. Хомяковъ и два брата Кирѣевскіе. Но Самаринъ и Аксаковъ въ эту пору еще далеко не вполне признавали себя сторонниками направленія этихъ корифеевъ славянофильства. Самарину предстояло пройти еще черезъ одну стадію развитія прежде, чѣмъ окончательно примкнуть къ нимъ. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе для него имѣлъ годъ, протекшій между окончаніемъ диссертации въ 1843 г. и диспутомъ, бывшимъ 4 іюля 1844 г. Философія Гегеля, которую онъ въ это время изучалъ и которая власт-

вовала надъ умами, привела его къ томительному раздвое-
нію, къ тяжелой внутренней борьбѣ. Въ развитіи его совер-
шался переломъ; онъ „велъ тяжелый мучительный споръ съ
самимъ собою“; онъ готовъ былъ отречься отъ своей диссер-
таціи и признать, что „внѣ философіи Гегеля православная
церковь существовать не можетъ“. Изъ этой внутренней
борьбы вывелъ Самарина Хомяковъ. Онъ одинъ у насъ
устоялъ въ 40-хъ годахъ противъ увлеченія философіею Ге-
геля и могъ отнестись къ ней критически, имѣя въ то время
уже твердо сложившіяся убѣжденія. Много лѣтъ спустя, Са-
маринъ такъ опредѣлилъ значеніе Хомякова: „Для людей со-
хранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго, религіознаго
смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся
душею, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ вы-
водилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ
цѣльность религіознаго сознанія... Для многихъ сближеніе съ
Хомяковымъ было началомъ поворота къ лучшему и остается
навсегда въ ихъ признательной памяти какъ знаменательное
событіе ихъ собственной внутренней жизни“. Такое знаме-
нательное событіе совершилось съ Ю. Ө-чемъ въ 1843 и
1844 гг.; онъ призналъ Хомякова своимъ учителемъ; вмѣстѣ
съ тѣмъ окончилось вліяніе на него К. С. Аксакова, съ ко-
торымъ, однако, онъ остался навсегда „связанъ единствомъ
основныхъ убѣжденій и сочувствій“. Такъ опредѣлилось на-
правление Ю. Ө-ча, которому онъ остался вѣренъ до конца
своей жизни. Диссертация Ю. Ө-ча состояла изъ 3 частей:
первыя двѣ—Өеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій какъ
богословы и какъ іерархи—не были допущены къ печати и
на диспутѣ обсуждалась только третья часть, посвященная
оцѣнкѣ обоихъ іерарховъ, какъ проповѣдниковъ.

Послѣ блестящаго диспута, Ю. Ө. былъ утвержденъ въ
званіи магистра. Его желаніе было посвятить себя профес-
сорству, но, исполняя волю своего отца, онъ отправился
7 августа 1844 г. на службу въ Петербургъ и былъ причи-
сленъ къ департаменту министерства юстиціи. Съ тѣхъ поръ,
въ продолженіе 8 слишкомъ лѣтъ, онъ проходилъ разныя
должности, состоя на службѣ государственной. Съ неболь-
шимъ годъ онъ прослужилъ въ Сенатѣ; эта служба крайне

тяготила его; 9 февраля 1846 года онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ прикомандированъ, въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя, къ открытому въ то время въ Петербургѣ Комитету объ устройствѣ быта лифляндскихъ крестьянъ. Хотя занятія этого Комитета продолжались недолго, но для Ю. О-ча они имѣли важное значеніе. Передъ нимъ внезапно предсталъ крестьянскій вопросъ, поставленный не теоретическими соображеніями, а выдвинутый самою жизнью. Онъ увидѣлъ, что рѣшеніе его можетъ быть не только предметомъ неопредѣленныхъ чаяній, что оно положительно поддается законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ. „Въ моихъ глазахъ, писалъ онъ Аксакову, былъ рѣшенъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ никогда не служившимъ“. Не слышится ли въ этихъ словахъ какъ бы предчувствіе того участія, которое ему, тоже какъ помѣщику, пришлось принять въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ? Сверхъ того, въ этомъ Комитетѣ Ю. О. впервые ознакомился и съ остзейскимъ вопросомъ. По закрытіи Комитета, Самаринъ былъ назначенъ 3 мая 1846 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и прикомандированъ къ ревизіонной комиссіи, которой было поручено изучить городское устройство и хозяйство Риги и составить проектъ преобразованія средне-вѣковаго устройства этого города. Этимъ закончилась почти двухлѣтняя служба Ю. О-ча въ Петербургѣ; во все это время онъ былъ такъ поглощенъ служебными занятіями, что могъ посвящать лишь немного времени литературнымъ трудамъ; поэтому въ печати за это время появились только двѣ статьи его: разборъ сочиненія гр. Соллогуба „Тарантасъ“ и возбудившая сильную полемику критическая статья „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“. Въ этой статьѣ Ю. О. впервые формулировалъ главные положенія славянофильскаго ученія въ предѣлахъ затронутыхъ въ его статьѣ вопросовъ.

Ю. О. выѣхалъ изъ Петербурга въ Ригу 21 іюля 1846 г. вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи Я. В. Ханыковымъ. Служба его тамъ продолжалась два года. На него возложено